

ТИХИЙ ЧАС ДЛЯ ВОЖАТОГО

«Полдень знойный, в небе ни облачка. Солнце стоит неподвижно над головой и жжёт траву. Воздух перестал струиться и висит без движения. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; над деревней и полем лежит невозмутимая тишина — всё как будто вымерло. Звонко и далеко раздаётся человеческий голос в пустоте. В двадцати саженьях слышно, как пролетит и прожужжит жук, да в густой траве кто-то всё храпит, как будто кто-нибудь завалился туда и спит сладким сном».

Светлана Белова,

доцент
Волгоградского
государственного
педагогического
университета,
кандидат
педагогических наук

Анастасия Макаренко,

магистрант
Волгоградского
государственного
педагогического
университета

Что это — мечта воспитателя? Тихий час в лагере? Конечно же, вы догадались, что это сон в Обломовке. А тихий час, как скажет вам любой ребёнок, — это время, когда тишины почему-то не хочется. Может, потому, что она, эта тишина, каждый день «запланирована», «заказана». Может, полуденный сон нужен только взрослым? Ведь как хотелось маленькому Илюше Обломову дождаться этого мгновения, когда всё подчинялось «обаянию сна», и тогда начиналась его самостоятельная жизнь. «Он был как будто один в целом мире; он на цыпочках убегал от няни, осматривал всех, как кто спит, остановится и смотрит пристально, как кто очнётся, плюнет или промычит что-то во сне; потом с замирающим сердцем взбегал на галерею, обегал по скрипучим доскам кругом, лазил на голубятню, забирался в глушь сада, слушал, как жужжит жук, и далеко следил глазами его полёт в воздухе; прислушивался, как кто-то всё стрекочет в траве, искал и ловил нарушителей этой тишины; поймает стрекозу, оторвёт ей крылья и смотрит, что из неё будет, или проткнёт сквозь неё соломинку и следит, как она летает с этим прибавлением; с наслаждением, боясьдохнуть, наблюдает за пауком, как он сосёт кровь пойманной мухи, как бедная жертва бьётся и жужжит у него в лапах». Подобную картину трудно представить в летнем детском лагере, где предоставить ребёнка самому себе — большая проблема. В первую очередь, проблема для вожатого.

Кто хоть раз побывал в роли вожатого, тот знает, насколько это беспокойная «должность», требующая широкого круга компетенций. Кто он, вожатый? *Руководитель*? Лидер? Организатор? Психотерапевт? Надсмотрщик? Массовик-затейник? Есть немало примеров восхождения педагогов к своему профессиональному мастерству, прошедших в своё время вожатскую школу — школу творчества и коллективных дел, школу разностороннего общения с детьми.

Анастасия Макаренко (кстати, дальняя родственница известного педагога), накопившая уже опыт работы в детских летних лагерях, имеет своё представление о вожатской деятельности и свои ответы на вопросы воспитания. Она выделяет значимые для себя организационно-воспитательные проблемы. И очень хорошо знает, что вожатому во время трудовой смены некогда отдыхать и тихий час — это удовольствие не для него. Но попытаемся представить себе, что во время дневного сна детей мы присели с Настей где-нибудь на полянке или на берегу реки и побеседовали о буднях и праздниках вожатого. И, естественно, наша беседа посвящена не тихому часу, а всему кругу вожатских забот.

— Настя, у тебя, насколько мне известно, есть уже определённый опыт работы в лагере в качестве вожатого. Какое место в твоей жизни занимает эта работа?

— Работа вожатой каждый раз, в конкретной смене, для меня испытание. Своеобразный экзамен на интеллектуальность, на творчество, на терпение. Ещё возможность многое узнать, многому научиться. Короче говоря, это всегда волнение.

— **А как ты представляешь себе цели и смыслы деятельности вожатого — того, кто является неким «средним звеном» между ребёнком и воспитателем?**

— Я бы сформулировала так: цель работы вожатого в оздоровительном или профильном лагере — сплотить и активизировать детей, выявить таланты и способности, адаптировать детей к отдыху.

— **А если поподробнее? Я имею в виду про «активизировать» и «адаптировать».**

— Понятно, что дети не должны быть предоставлены сами себе и им нужно помочь провести время содержательно и активно. Некоторые вожатые, как мне кажется, понимают свою роль однобоко, уделяя внимание либо только обустройству досуга, либо сплочению коллектива без реальных дел, способных развивать детей. А важно и то, и другое.

— **Мне почему-то режет слух «адаптировать детей к отдыху». А что, к отдыху надо приспособливаться?**

— Возможно, здесь нужен другой глагол. Я имею в виду то, что дети, зная, чем занять себя в период учебного года, совсем не умеют распоряжаться своим временем во время летнего отдыха, не умеют организовывать содержательный досуг. Их надо этому учить.

— **А может, они так устали от того, что их постоянно учат и им позарез нужно время, когда они могут пожить «как получается». И, согласись, учебный год за них уже «продуман» взрослыми. Ученики лишь подчиняются установленным правилам. А лето — это возможность жить «без правил», без регламента, быть свободными. Надо ли «активизировать», «организовывать», «адаптировать»? Так что же, лагерь — это продолжение учебного года, с тем лишь отличием, что в расписании другие «уроки»?**

— Но тогда я не понимаю смысла лагеря вообще. И без организации жизни в нём будет полная анархия. Такое «броуновское движение» начнётся!

И, кроме того, степень участия в мероприятиях каждый определяет сам. Среди детей находятся такие, которым ничего неинтересно, и в лагерь они приехали, чтобы скрыться от глаз родителей. Их и надо растормозить. Лично мне, например, больно смотреть на тех детей, которые ничегонеделание и лень выдают за свою принципиальную позицию и представляют это как протест против насилия. А насилия нет. Есть организация, её система, и если ты попал в неё, то будь добр — подчинись её законам. А хочешь свободы — сиди дома и плюй в потолок. В моей вожатской биографии есть такой пример: одна четырнадцатилетняя девочка с самого начала смены держалась очень обособленно, но при этом демонстративно. Категорически отказывалась участвовать в мероприятиях. Это был пионерский лагерь, и она возмущалась по поводу галстуков: «У вас не дети, а сектанты». Но потом уехала её подруга, и мы почти насильно заставили её участвовать в мероприятии. Она узнала цену и одиночеству, и дружбе, и участию в общих

делах. Вчерашняя «бунтарка» не хотела потом уезжать из лагеря и высказала желание приехать ещё.

— **Конечно, я немного провоцирую тебя, задавая вопросы и высказывая сомнения. Говоря о свободе, я не подразумеваю анархию. Просто мне кажется, что вожатые взваливают на себя много не своих проблем. Они зачастую становятся массовиками-затейниками, которые с помощью каких-то уловок заставляют детей быть активными. Ответственность за качество своего отдыха пусть берут дети. Главное — дать им это понять. Или, по-другому, создать условия, чтобы они почувствовали эту ответственность за своё лето. Иначе они становятся «иждивенцами», которые ждут, пока им предложат что-то интересное, пока их развлекут.**

— Но ведь, насколько я понимаю, вожатый задаёт тон: он фонтанирует идеями, предлагает разнообразные виды деятельности, показывает пример инициативы и творчества. Когда я собираюсь в лагерь, я заготавливаю огромное количество методических материалов, разработок для обеспечения досуга детей на любой случай. В моей копилке — тысячи игр, шестьсот конкурсов, сотни разных кричалок, девизов, стишков.

— **Вот-вот, я об этом: значит, ты задаёшь «содержание» жизни детей в лагере? Ты предлагаешь — они подключаются к твоим предложениям. Тут что-то потребительское. Ты не чувствуешь? Тебе легко исполнять вот эту роль «досуговой копилки» детей? А вообще можешь рассказать о трудностях и проблемах, с которыми ты сталкиваешься?**

— Да, трудностей много. И типичных, и специфических, свойственных конкретным обстоятельствам. Мне приходилось бывать в разных лагерях — оздоровительном, профильном, туристическом, спортивном. Самая большая трудность для меня — дети, их поведение, отношение к лагерю. В «морском» лагере я столкнулась с детьми богатых родителей. На вожатого, который уступает им по уровню

материального состояния, они смотрят свысока. Таких детей ничем не удивишь. Я пыталась показать им, что личностные характеристики не зависят от социального и материального положения. И вот, спрашивается, как заставить таких избалованных, самоуверенных подростков следовать режиму дня? Ничего другого не остаётся, как превратить всё в игру, причём такую, когда ребёнок и не предполагает, что стал её участником. Пример. Наступает тихий час. Пятнадцатилетние девчонки и мальчишки, естественно, не пойдут спать по собственному желанию. Как быть? Иду на хитрость. «Друзья! Сейчас мы будем играть в молчанку в течение часа. Победившая команда получит чупа-чупсы!» По крайней мере, в течение часа можно рассчитывать на тишину, и кто-то в этой тишине невольно заснёт. Или можно установить порядок дежурства детей во время тихого часа. Дети, которые пройдут через этот опыт, поймут необходимость отдыха.

— **Позволь, Настя, высказать сомнения по поводу такого «хитрого» воспитания. Правильно я понимаю: детям нужно предложить «конфетку», чтобы они подчинились определённому порядку? Кому нужен этот порядок? Воспитателям, вожатым, самим детям? Порядок во имя чего? Мне всё это напоминает изощрённость родителей, которые хитростью заставляют принять ребёнка противный, но полезный рыбий жир. Но кто сказал, что в тихий час полезно спать или отдыхать? Пример Илюши Обломова говорит о другом. Почему спать днём нужно в одно и то же время? Может, кроме «обмана» детей, предложить что-то другое...**

— Есть и другое. Иногда день настолько насыщен делами, настолько плотно расписан, что дети, чувствуя усталость, сами ждут тихого часа. К примеру, можно устроить купание без перерыва, после которого дети валяются от усталости.

— **То есть загнать их в водоём и не позволять выходить до поры до времени? Забавно. Но ты права, что может возникнуть естественная потребность**

в тихом часе, «если...». Хотя опять же меня смущает намеренное «накопление» усталости, которая должна «заставить» детей подчиниться запланированному распорядку. Вообще я за открытость целевых установок, за коллегиальность решений, за согласование прав и обязанностей, ценностей и смыслов, искренность в выражении отношений.

— Но ведь мы, вожатые, приезжаем в лагерь, в котором уже сложилась своя система требований, установлены кем-то (руководством, например) границы свободы и необходимости. Не могу же я самовольно отменить какой-то пункт в распорядке дня.

— **Да, тут ножницы. Ну, а что входит в твои вожатские обязанности, «запланированные» системой данного лагеря? Можешь перечислить?**

— Перечисляю требования, которые предъявлялись ко мне как вожатой, и обязанности, которые я должна выполнять. Первое: следить за соблюдением детьми режима и их здоровьем (например, смотреть, чтобы надевали головные уборы, без которых можно получить солнечный удар; чтобы соблюдали личную гигиену...). Второе: развивать у детей интерес к чтению. Третье: следить, чтобы на пляже дети купались, много двигались, а не сидели в одежде где-нибудь под кустом. Четвёртое: организовывать детский досуг, спортивные игры, мероприятия. Пятое: проводить с детьми анализ данных мероприятий. Шестое: проводить беседы о важности каждого лагерного дня, о сплочении отряда. Седьмое: создавать органы самоуправления в отряде (нужно с умом выбирать лидеров, помощников вожатого)...

— **Наверное, есть ещё восьмое, десятое, сотое...**

— Да, много обязанностей. Чтобы с ними справляться, вожатый должен иметь оформительские навыки, творческое мышление, развитое воображение, быть физически развитым.

— **Расскажи о каком-то мероприятии, которое ты предложила детям и которое тебе запомнилось.**

— Одно из запомнившихся дел — «Путешествие по странам и континентам». Каждый отряд представлял свою страну: выставлял сувениры этой страны, рассказывал о традициях, составлял викторину по соответствующей тематике, рисовал «деньги». Вначале ребята открывали выставку с флагом, гербом и другой символикой какой-либо страны. Гости отвечали на вопросы «жителей» страны и за правильные ответы получали «денежки». Потом каждый отряд представлял сценку-миниатюру в соответствии с традицией выбранной страны. В конце праздника проводился аукцион, во время которого можно было купить на заработанные «деньги» сувениры той или иной страны.

— **В какой мере это мероприятие было запланировано вожатым, а в какой мере — экспромтно?**

— Конечно, я привезла с собой заготовки, сценарий. Например, слова для ведущих праздника были уже написаны, а им нужно было только выучить их.

Ещё мне нравятся дискуссии, которые проводились с детьми. Вот некоторые из вопросов:

- Когда человек становится взрослым?
- Что такое честность?
- Лучше быть умным, чем богатым?
- Один в поле не воин?
- Считаешь ли ты, что здоровому человеку глупо думать о смерти?
- Хотел бы ты изменить свой возраст?
- Есть что-то, чего ты боишься?
- Что такое комплексы человека?
- Качество важнее количества?
- Что такое одиночество? Смог бы ты прожить в одиночестве?
- **Один из вопросов я задам тебе. Так чего ты боишься, собираясь в лагерь?**
- Начальства. И ситуаций, с которыми я могу не справиться.
- **А что, начальство бывает страшным?**
- Бывает, к сожалению. Не раз случалось, что руководство лагеря давало распоряжения, требовало выполнения каких-то дел, не оказывая при этом методической помощи. И если что-то не получалось, вожатым устраивали разнос. Вообще вожатый зачастую оказывается в роли «стрелочника».

— **Можешь рассказать о неожиданных, непредвиденных случаях в твоей практике?**

— Наверное, у каждого вожатого хранятся в памяти такие моменты. Помню, у меня в отряде был один подросток, который вёл себя вызывающе, всё время лез в драку. Однажды, после очередной своей выходки, он сбежал из лагеря, и я вместе с другими детьми побежала его искать. Когда мы его догнали, он вдруг неожиданно упал и забился в приступе эпилепсии. Дети застыли в оцепенении. Я тоже была шокирована, но вдруг вспомнила, что мальчику нужно вытащить язык. Потом я уже узнала, что ребёнок — эпилептик, с шизофреническими отклонениями. Конечно, я стала относиться к нему внимательнее, а дети — терпимее.

— **Грустная и поучительная история. Действительно, как мало мы порой знаем о другом человеке, который живёт с нами рядом. И как часто и мы, взрослые, и дети нетерпимы ко всему «другому», «чужому». Наверное, бывает и так, что ребенок, отбывший смену в лагере, увозит домой тот же груз проблем, с которыми он приехал, и никакие яркие мероприятия не научили его решать свои внутренние проблемы. Возможно, детям нужны не столько яркие мероприятия, в которых они могут раскрыть свои таланты, а просто доброе отношение к ним. Бывает, простая беседа наедине с ребёнком окажется полезнее шумного, весёлого праздника. Хотя, конечно же, и праздники нужны.**

— У меня много было таких «психотерапевтических» бесед. Ко мне в группу однажды попала девочка, мама которой болела и в общем-то доживала последние дни, а у папы была другая семья. Девочка, яркая и талантливая, вела себя замкнуто и отстранённо. Я понимала, какие она испытывает страдания. И вот как-то вечером у нас состоялся откровенный разговор. Я вообще-то в душу не

лезу, когда меня не просят. Но уж если мне доверили сокровенное, я готова помочь всем, чем могу. Так получилось, что с этой девочкой мы подружились. При расставании она сказала: «Вы на время смены заменили мне маму». Дорогие для меня слова. Да, многим детям не хватает обыкновенного человеческого тепла.

— **Знаешь, Настя, а человеческое тепло, на мой взгляд, — это как раз вещь необыкновенная. Всё дело в том, что его дать-то может только тот, у кого оно есть. Мераб Мамардашвили сказал, что нечто человеческое появляется в той мере, в какой устанавливается связь с чем-то вневременным. Из хаоса человек рождается через какую-то соотнесённость с вневременным, духовным. Чтобы «человек был», рассуждает философ, нужно с чем-то соотноситься, не в природе лежащим, а обладающим определёнными сверхъестественными свойствами. Человек ведь есть триединое существо. Он обладает биологическим, социальным и индивидуально-духовным (богоподобным) началом. В отношениях, основанных на животных инстинктах, мы все представляем угрозу друг для друга, мы все — «злые». С позиций социального мы тоже неравноправны и находимся в плену чьих-то самых разных чужих установок, норм, правил, схем, ритуалов, ролей. И только в пространстве духовного, «надличностного», мы все «родственники» и можем услышать, принять, понять друг друга, помочь. Чтобы выйти в этот мир духовного, нужны усилия, нужна работа над собой, нужно понимание (к которому надо прийти) своего духовного совершенствования. Но вернёмся, пожалуй, в лагерь. Скажи, Настя, а бывало так, что не тебе жаловались, а ты кому-то в жилетку плакала?**

— Вообще-то я не очень люблю загружать других своими проблемами и плачу чаще наедине сама с собой. Но «скудно и грустно» бывало. Правда, это единичные случаи. Помню, однажды я попала в лагерь, где готовили стажёров — будущих

вожатых. Не стажёры, а отряд «звёзд». Ребята высокомерные, критичные. На мои предложения реагировали скептически. После очередного мероприятия, которое прошло неудачно, меня отчитало начальство, и я, закрывшись в своей комнате, дала волю слезам. Так было обидно, что столько усилий даром пропало. Вообще это хороший урок. Наверное, действительно, не надо постоянно проявлять инициативу. Надо, чтобы инициатива шла от детей.

— Вот я про то и говорю. Кстати, подобная излишняя инициатива, да и вообще выполнение обязанностей за кого-то приносит больше вреда, чем пользы. Я знаю учителей, которые приводят в порядок школьный кабинет, продумывают мероприятия, не трогая детей. «Чтобы их заставить, столько нервов надо — лучше я сама сделаю», — сказала одна учительница. Вот точно так же «не хватает нервов» иной маме, которая не может вытерпеть долгого сопения своего трёхлетнего малыша, завязывающего шнурки на ботинках. Она быстренько завяжет сама. К «терпеливой» педагогике готовы те, кто способен отказаться от внешней привлекательности, мишуры, лоска в своей деятельности. Мероприятие, заранее продуманное вожатым и расписанное как по нотам, внешне выглядит эффектнее того, которое ищется, рождается «впервые», на глазах у детей, рождается в спорах и непонимании. Так нам важнее внешний результат, показуха или дело как «живое событие», как прецедент, по поводу которого можно вместе с детьми размышлять?

Конечно, инициативные учителя, как и инициативные вожатые, очень нужны. Но не следует «жить» за детей и делать то, что им самим полагается делать. Тут скрыта ещё одна проблема. Вожатых потому бросают «на прорыв», что нет необходимых условий, нет такой

среды, которая бы сама стимулировала и «активизировала» детей. И поэтому вожатому приходится вытаскивать из своей сумки очередную 999-ю игру или 555-й конкурс, которые смогут «направить» детей в нужное русло — в русло организованного отдыха. И тогда можно считать, что педагогические задачи выполнены.

— Да, очень многое зависит от условий, от возможностей лагеря, от его уже существующих традиций, от программ. Сама программа уже организует определённым образом детей. Так, например, в известных мне лагерях есть интересные программы: в «Альтаире» — «Здоровым быть модно», в «Искре» — «Подготовка волонтеров», в «Костре» — «Пионерский компас». В основе подобных программ лежит какое-то дело, которое всё цементирует и всех объединяет.

— Настя, ты снова, насколько я знаю, собираешься летом поехать в детский лагерь. Проводила ли ты «инвентаризацию» — своеобразную ревизию своего вожатского опыта? Можешь ли откровенно признаться, в чём ещё не компетентна, что хотела бы приобрести в свою педагогическую копилку?

— Мне не хватает собранности. Это что касается личностных качеств. А если говорить о конкретных вожатских умениях: мне хотелось бы научиться многому. Хочется соответствовать «заказу» конкретного лагеря. Так, например, мне недостаёт навыков работы в туристическом лагере. Надо бы развить у себя журналистские умения, чтобы помогать детям содержательно и грамотно оформлять уголки, стенды, печатные издания.

...Из разговора с Настей Макаренко я узнала об одной «небезулей» вожатой, которая стремилась делать всё очень хорошо и быстро. Она везде желала успеть. Но вот беда: у неё часто всё валилось из рук. Сколько раз она разбивала вазу или роняла краски и проливала воду на только что нарисованную газету. А однажды она даже (о, ужас!) проспала начало праздника, за который была ответственной. Мероприятие начали с опозданием. А горе-вожатой хорошенько всыпали потом на планёрке. Да, вожатая взяла и устроила себе самовольно «тихий час», потому что всю ночь накануне она, как человек ответственный, рисовала отрядный уголок, который нужно было подготовить к намеченному мероприятию. Другая вожатая, её напарница, как человек менее ответственный (или просто рациональный?), ушла спать. Грустная и поучительная история...

Дорогие вожатые, пусть вам повезёт и дети «достанутся» вам замечательные (если хорошенько приглядеться, то можно увидеть, что они все такие и есть). Пусть у вас будет много «тихих» тихих часов! Пусть летнее солнце светит не только для детей, но и для вас! **НО**